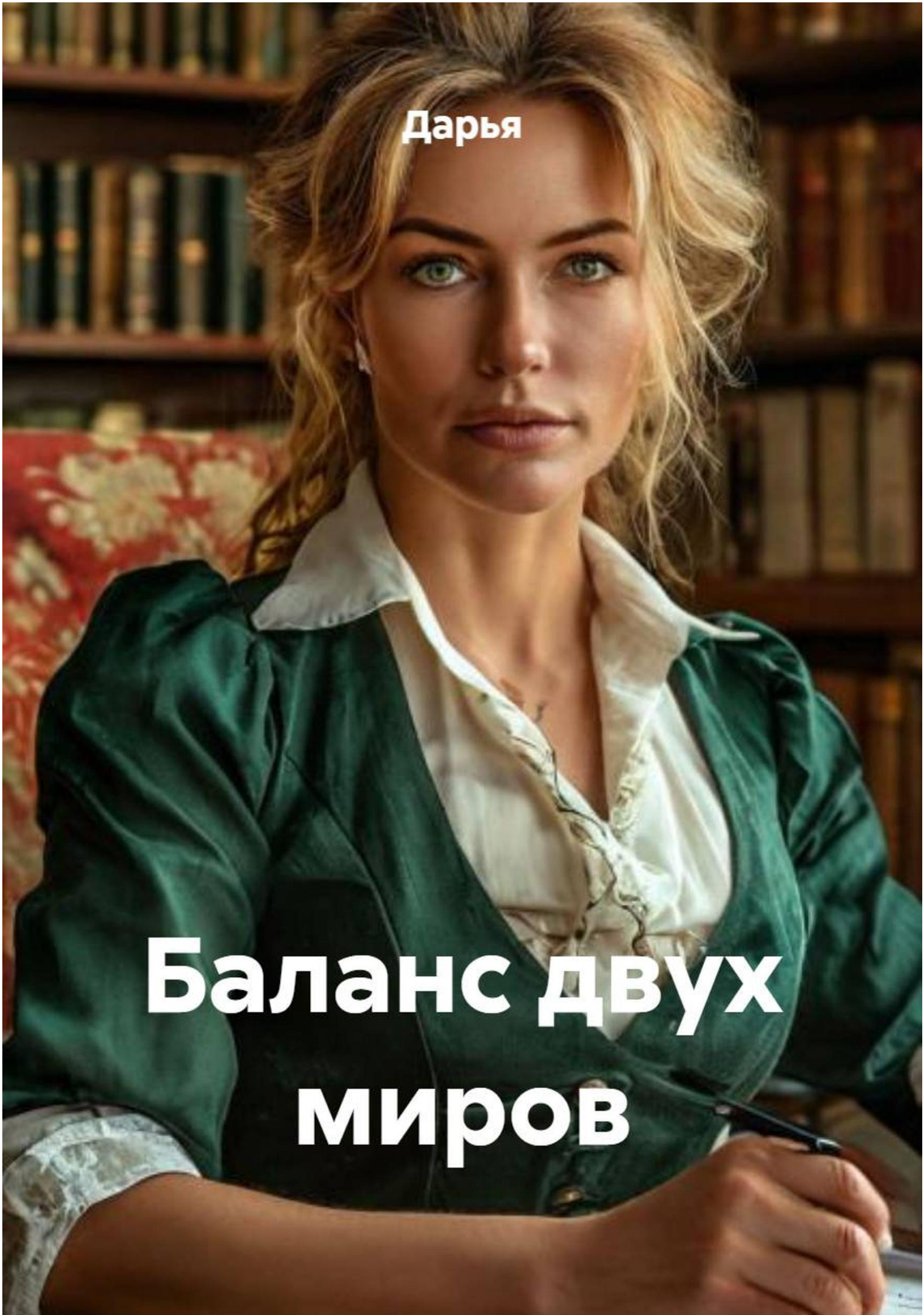

Дарья

Баланс двух миров

Дарья

Баланс двух миров

«Автор»
2026

Дарья

Баланс двух миров / Дарья — «Автор», 2026

Мария Соколова, 40 лет, главный бухгалтер сельхозпредприятия, чья жизнь — это отчеты, дедлайны и борьба с проверками. После аврала она засыпает за столом, а просыпается в теле 16-летней бесприданницы из бедной дворянской семьи в мире, где правят магия и клинки. Её новый «отец» готов продать ее за долги, маги смотрят свысока, а система феодальных отношений кажется вопиюще неэффективной. Но для тети Маши нет нерешаемых задач: будь то квартальный отчет или спасение поместья от разорения. Оказывается, умение видеть суть за цифрами, находить слабые места в документах и договариваться с самыми сложными «контрагентами» — это и есть самая могущественная магия.

© Дарья, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Инвентаризация 8
Глава 2. Оборотные ведомости 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Дарья
Баланс двух миров

Пролог

Последней мыслью, прежде чем мир распался на части, было раздражение.

Не страх, не паника, а именно раздражение — густое, как застывший кофе на дне кружки. Налоговый отчет. Срок — вчера. И эта дурацкая, неучтенная накладная, которая лезла из каждой папки, куда я ее прятала, будто живая.

Я перебирала бумаги в тишине опустевшего офиса. За окном давно погасло подмосковское небо, уступив место липкой черноте. В голове гудело от цифр и девяти часов без движения. «Сельхозпродукция «Рассвет» — 25 тонн пшеницы, фуражной, по договору № 147…» Строчки расплывались.

И вдруг — она. Не бумага, а пергамент, желтоватый, плотный, пахнущий не типографской краской, а чем-то чужим: пылью, травами и временем. Края были неровные, будто оторваны рукой. А цифры… не арабские и не римские. Завитушки, черточки, точки, складывающиеся в странные, но понятные мне суммы. И печать — не печать, а оттиск крылатого зверя, которого не бывает.

«Бред, — подумала я, потирая переносицу. — Сон. Нужно домой. Максим один, опять наверняка у компьютера…»

Я потянулась к кружке, и в тот же миг завитушки на пергаменте зашевелились. Поползли, как золотые черви. Свет от настольной лампы померк, сгустился в узкую воронку, закручивающуюся прямо над проклятой бумагой.

Инфаркт? Инсульт? — пронеслось панической, чисто бухгалтерской калькуляцией вероятностей. Но тело не болело. Просто мир стал тихим. Слишком тихим. Исчез гул холодильника, шорох машин за окном. Остался только этот немой, вращающийся вихрь света и тени, затягивающий взгляд.

Я попыталась отодвинуться, но руки будто приросли к столу. Мысли понеслись обрывками, сбиваясь с делового ритма на что-то лихорадочное.Не сдан отчет… штраф…Максим… обещала сырники завтра…Накладная… кто ее подсунул?..

И вдруг — щелчок. Не звук, а ощущение в самой сердцевине сознания. Будто сработал гигантский, вселенский счеты, и костяшка окончательно упала в нужный паз. Баланс… что-то где-то сошлось. Или, наоборот, страшно не сошлось.

Вихрь рванул меня на себя. Не физически — меня будто выдернули из самой себя, как цифру из столбца и перенесли в другую графу. Калейдоскоп бессвязных картинок: зеленое небо, башни, пронзающие облака, глаза полные страха — не мои глаза. Чужая боль, чужой испуг, чужое падение в темноту.

Я не закричала. Не успела.

Меня вырвало на берег сознания запахом ладана и болезненной слабостью.

Первое, что я поняла — я не в своем теле. Это знание пришло не через мысли, а через чувства. Слишком легкие кости, слишком длинные ресницы, касающиеся щек, непривычная тяжесть волос на плечах. Сердце билось часто-часто, как у пойманной птицы.

Я лежала, не открывая глаз, цепляясь за обрывки.Максим. Работа. Отчет. Штраф.Мысли стучали, как метроном, отмеряя ритм прежней жизни.Должна быть дома. Должна.

Но сквозь веки пробивался не привычный свет люстры, а тусклое, теплое мерцание. Свечи. И запах… не только ладан. Затхлость старых тканей, сладковатая вонь какой-то мази, запах страха.

Я рискнула приоткрыть глаза.Над головой — балдахин из темного бархата, расшитый потускневшими нитями. Не моя спальня. Не моя квартира. Не мой мир.

Паника подкатила волной, холодной и тошнотворной. Я зажмурилась, вцепившись ногтями (длинными, острыми, не моими!) в шелк простыни.Дыши. Инвентаризация. С чего начинается любая проверка? С инвентаризации активов и пассивов.

Голос в голове звучал странно знакомо — это был мой собственный внутренний голос, голос Марии Соколовой, главбуха. Только сейчас он был единственной нитью, связывающей меня с реальностью.

Активы (что есть):

Сознание. Память. Знания. (Пока в наличии).

Новое тело. Молодое, целое, без хронических болячек в спине. (Условный актив, требует изучения).

Я понимаю язык, на котором шепчутся за дверью. (Критически важный актив).

Пассивы (что должно/чего нет):

Мое старое тело. (Списано?).

Мое место в моем мире. (Потеряно).

Понимание, где я и кто я теперь. (Нулевое).

Максим. (Боль, острая, как нож под ребро).

Из-за двери доносились приглушенные голоса.«…не приходила в себя четвертые сутки…»«…лорд Альдрик в ярости, сватовство графа Даррена под угрозой…»«…упала с лестницы в библиотеке, а маги-целители разводят руками…»

В голову, будто всплывая из темной воды, полезли обрывки чужих воспоминарий. Имя: Ведана Лис. Отец: лорд Альдрик. Долги. Огромные долги. И лицо мужчины, холодное, как речной камень, — граф Даррен. Его оценивающий взгляд. Сватовство.

Меня, Марию, сорокалетнюю женщину с ипотекой, взрослеющим сыном и стажем работы больше, чем эта девочка Ведана прожила на свете, пытались списать на брак. Как безнадежный долг. Как непрофильный актив.

И тут вошел он. Лорд Альдрик. Его лицо было бледным полотном, на котором неумелой рукой были нарисованы напускная радость и саднящая тревога. Я увидела его — и узнала. Не лицо. А суть. Как будто внутренний взгляд автоматически построил диаграмму: 70% — страх перед кредиторами, 25% — злость на обстоятельства, 5% — что-то вроде растерянной жалости. И все это — в обрамлении ярко-алой цифры, суммы его совокупного долга. Она висела в воздухе вокруг его головы, как галерка.

Я не удивилась. В мире, где накладные оживают и засасывают тебя в иное измерение, внутренняя бухгалтерская программа, выдающая «сущностный баланс» человека, казалась почти логичным продолжением.

«Ведана! Дитя мое, ты жива!» — его голос дрожал, но не от любви. От напряжения.

Он сел на край кровати, взял мою руку. Его пальцы были холодными и потными. Пассив в чистом виде — тянет ресурсы и генерирует риски.

Молодая Ведана, наверное, расплакалась бы или застыдилась. Во мне же, в глубине, где жила Мария, это прикосновение включило режим холодного расчета. Паника схлынула, уступив место привычному, почти профессиональному сосредоточению. Ситуация клиента на грани банкротства. Я — последний ликвидный актив в его портфеле.

Он заговорил о чести дома, о долге, о благоразумном и выгодном союзе с графом Дарреном. Я слушала, и каждый его довод раскладывался в уме по полочкам, оценивался на предмет логических ошибок и скрытых угроз.

Когда он замолчал, выжидающе глядя на меня, в комнате повисла тишина. Я почувствовала слабость в теле, туман в голове от усилия, но и странную, новую твердость. Это было мое оружие. Мой единственный актив в этом абсурдном мире.

Я медленно, с усилием, высвободила свою руку из его цепких пальцев. Подняла на него взгляд. Не взгляд испуганной девочки. Взгляд человека, который только что провел инвентаризацию катастрофы и готов приступить к разработке плана по выходу из кризиса.

Голос звучал тихо, хрипло от неиспользования, но в нем не дрогнула ни одна нота.

«Прежде чем обсуждать мое замужество, отец, — сказала я, и каждое слово падало, как монета на весы, — мне нужны все документы. Долговые расписки. Залоговые обязательства. Договоры аренды. Налоговые… то есть, гербовые ведомости за последние пять лет. Всё.»

Он замер. Его «сущностная диаграмма» взорвалась хаосом из шока, непонимания и зарождающегося страха перед чем-то непонятным.

Я позволила себе слабую, едва заметную улыбку. Улыбку не шестнадцатилетней Веданы, а Марии Соколовой, прошедшей через десятки проверок и знающей, что любой хаос можно привести в порядок. Если взяться за дело с правильного конца.

«Нам нужно, — произнесла я четко, глядя в его расширившиеся глаза, — провести полный аудит. И свести баланс.»

Конца света не случилось. Случилось нечто иное. Началась работа.

Глава 1. Инвентаризация

Когда дверь за отцом закрылась, наступила тишина. Гулкая, звенящая, будто после взрыва. Я лежала, уставившись в складки бархатного балдахина, и пыталась заставить новый, слишком легкий организм дышать ровно.

Что я наделала?

Мысль пронеслась паническим вихрем, но я тут же поймала ее, засунула в дальний ящик сознания и щелкнула замком. Паника — непроизводительный расход энергии. А ресурсы были на нуле. В голове медленно проступала боль — не острая, а тупая, разлитая, как чернильное пятно. Отзвук падения? Или цена той странной способности, что включилась, когда я смотрела на отца? Теперь, в тишине, я могла это обдумать. Это было не зрение в привычном смысле. Скорее… знание. Когда я смотрела на человека, в голове сами собой складывались образы, метафоры, сразу облекающиеся в проценты и категории. Будто внутренний процессор, заточенный под финансовый анализ, получил доступ к новому, неочищенному массиву данных — человеческим эмоциям и намерениям — и с отчаянной эффективностью начал их сортировать, маркировать и оценивать по степени риска. Это было и ужасно, и… логично. Мир работал по непонятным правилам, и мой мозг, отчаянно цепляясь за привычные паттерны, пытался эти правила перевести на свой язык. Язык балансов и отчетности.

Секундная стрелка в голове отсчитала десять ударов сердца. Пятнадцать. Двадцать. Я сосредоточилась на дыхании. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Так дышала, когда готовилась к сложным переговорами с налоговой. *Мой мир. Налоговая. Кабинет. Зеленый свет настольной лампы на стопках бумаг. За окном — слякоть и гудки машин. Я допивала третий стакан холодного чая, зная, что дома меня ждет Максим и холодильник, в котором, скорее всего, пусто.*Сердце сжалось от внезапного, физического укола тоски, острой как нож. *Максим. Ему всего четырнадцать. Он сейчас один. Думает, мать задержалась на работе, как это часто бывало. Съел те глупые равиоли, что я оставила в холодильнике? Сделал уроки? А если нет? Кто будет его ругать? Кто положит ему на ночь руку на лоб, проверяя температуру? Кто услышит, как хлопнет входная др…*

Я сжала веки, пытаясь удержать влагу, что предательски накатила, жгучая и соленая. Нет. Не сейчас. Если дашь волю этому — развалишься на части, как старый, прогнивший шкаф. А разваливаться нельзя. Потому что здесь, в этом нелепом теле, в этой чужой, пахнущей ладаном и болезнью кровати, я осталась одна. Совершенно одна в чужой вселенной. И единственное, что у меня было — это я сама. Мария Соколова, главный бухгалтер сельхозпредприятия «Рассвет», мать-одиночка, женщина, прошедшая через десятки проверок, скандалов с поставщиками и бессонных ночей над отчетами. Этот багаж был теперь моим единственным оружием и щитом.

Ладно, Мария. Хватит реветь. Дыши. Первичный осмотр завершен. Констатируем факты.

Я заставила себя думать методично, как заполняла отчет по форме 1. Четко, структурированно, без эмоций.

Факт первый:Я — не в своем теле. Ощущение было неоспоримым, как ноющая кость. Легкость костей, непривычная длина конечностей, даже тактильные ощущения — шершавость простыни казалась острее, холод воздуха — более цепким, запахи — яркими, почти навязчивыми. Я осторожно согнула ноги в коленях. Суставы отозвались слабой, но здоровой болью, без привычного хруста в коленях и ломоты в пояснице. Тело работало. Молодое, неиспорченное тело. Это был плюс. Немыслимый, дикий, но плюс.

Факт второй:Я — в другом мире. Доказательства: архитектура (стрельчатые окна, каменные стены толщиной в полметра), технологический уклад (свечи и масляные лампы вместо электричества, полное отсутствие привычных фоновых звуков — гула проводов, дальнего

гула машин, даже самолетов), социальный контекст («лорд», «барышня», «долги», «сватовство»). Вероятность инсценировки, массового психоза или безумия — стремится к нулю. Опыт слишком реален, слишком детален, слишком… тяжел. Это не сон. Сны не пахнут пылью, плесенью и страхом.

Факт третий:У меня появилась новая… особенность. Способность видеть «баланс» людей — их эмоции, намерения, скрытые мотивы, облеченные в форму интуитивных процентов, цифр и даже цветовых пятен. Инструмент требует изучения, калибровки и осмысления. Пока он работает на уровне подсознания, выкидывая готовые выводы, как принтер чек. Почему? Неизвестно. Связано ли с попаданием сюда? С тем странным пергаментом? С профессией? Пока гипотез нет. Но инструмент уже доказал полезность, выявив в отце пассив в виде алчности и страха, а в няне — надежный актив.

Факт четвертый:Цель отца (лорда Альдрика) — выдать меня замуж за графа Даррена для погашения долгов. Моя цель — избежать этой участи, выжить и… и что? Искать способ назад? Мысль была такой болезненной, такой безнадежной, что я отложила ее в сторону, как сверхсрочный, но нерешаемый проект. Сначала — выжить. Укрепить позиции. Потом — собирать информацию. Потом — строить гипотезы. Сейчас главное — не дать себя продать, как партию некондиционного зерна.

Факт пятый:Ресурсы близки к нулю. Финансовые — отрицательные (долги). Физические — истощены (болезнь, травма). Социальные — практически отсутствуют (отец-банкрот, управитель-вор, слуги, вероятно, запуганы или куплены). Но есть один актив — мой разум. Опыт. Знания, в том числе прикладные: основы химии, физики, агрономии (работа в сельхозпредприятии!), менеджмента, финансового анализа и жестких переговоров. И эта странная, пугающая способность.

Что дальше? Дальше — план. Любой кризис-менеджмент, любая проверка, любая война начинается с плана. Без плана ты — реактивная масса. Тебя двигают другие.

Я села, откинула тяжелое одеяло, сшитое из лоскутов какой-то плотной, колючей ткани (грубая шерсть?), и осмотрелась уже более внимательно, с профессиональной, оценивающей отстраненностью. Я не просто видела комнату. Я проводила ее экспресс-аудит.

Помещение: приблизительно 25-30 квадратных метров. Высокие (около 4 метров) стены из грубо отесанного серого камня, местами покрытые тонким слоем побелки, которая осыпалась, обнажая темную влажную кладку. Кое-где стены были прикрыты шпалерами — выцветшими, с потертыми краями гобеленами, изображавшими сцены охоты на лисиц в стилизованном лесу. Герб дома Лисов — стилизованная, хитрая лисья морда в профиль на рассеченном щите (золото и червлень) — повторялся в бордюрном орнаменте. Качество работы когда-то было высоким, теперь краски выцвели, золотая нить потускнела и порвалась в нескольких местах.

Окна: два узких стрельчатых проема в глубоких нишах, затянуты были мутноватым, волнистым стеклом в свинцовых переплетах. Стекла грязные. Сквозь них лился тусклый, водянистый, бежево-серый свет поздней осени, не дающий теней. На широких каменных подоконниках лежали рыжие кленовые листья и комочки пыли, занесенные ветром. Никаких штор или занавесок — только тяжелые внутренние ставни, сейчас открытые. Энергоэффективность — нулевая. Теплопотери — огромные.

Система отопления: камин, сложенный из темного, почти черного, пористого камня (сланец?), занимал всю стену напротив кровати. Конструкция массивная, но неэффективная — открытый очаг, большая часть тепла уходит в трубу. В нем тлело несколько тонких, сыроватых поленьев, не дающих жара, лишь легкий запах дыма и слабый оранжевый отсвет на камнях. На дубовой полке над камином стояли потрескавшиеся кувшины и тарелки — фамильный фарфор, вероятно, тонкой работы, с тем же гербом. Дорогой, но старый, неухоженный актив. Некоторые предметы с отбитыми краями, что снижало их стоимость.

Напольное покрытие: ковер, когда-то, должно быть, ярким, с сложными восточными узорами в бордовых, синих и золотых тонах. Теперь краски выцвели до грязно-розового, серо-голубого и блекло-желтого, а в местах наибольшего хода (от двери к кровати, к окну, к комоду) ткань протерлась до грубой холщовой основы, в некоторых местах порвана. Амортизация — 100%. Подлежит списанию.

Мебель: тяжелая, дубовая, с массивной, но искусной резьбой в виде виноградных лоз, дубовых листьев и тех же лисиц. Стиль — явно не одной эпохи, а накопленный за поколения. Потускневший лак, царапины, вмятины. У одного из двух кресел сломана и кое-как подклеена задняя ножка. У туалетного столика не закрывался один ящик. Гардероб с высокими дверцами, которые перекосило, и они плохо смыкались. *Активы низкой ликвидности, требующие ремонта и ухода. Отсутствие должного обслуживания очевидно.*

На прикроватной тумбочке из темного ореха стояла неглубокая серебряная чаша для умывания и кувшин с отбитым носиком. Серебро было тусклым, с черными пятнами окислов и царапинами. Никаких признаков регулярной чистки. В углу комнаты, в небольшой киоте, стояла икона (или местный аналог) — изображение строгой женщины в синем покрывале со звездами, держащей свиток. Перед ней тлела в маленькой медной жаровне щепотка ладана, источая густой, сладковатый запах. Этот угол был самым ухоженным — никакой пыли, свеча в подсвечнике новая.

И запах. Общий фон: старое дерево, каменная пыль, влага (чувствовалась сырость от стен), ладан. Поверх — слой лекарственных трав (мята, ромашка, что-то горькое), запах пота от постельного белья и под всем этим — сладковатый, неприятный, застоявшийся запах долгой болезни, беспомощности и отчаяния. Запах комнаты, в которой медленно умирают.

Меня охватила странная, почти профессиональная ясность. Шок от попадания сюда, ужас, тоска — все это еще булькало где-то на самом дне, подобно магме под тонкой, но быстро твердеющей коркой, но сверху уже лег ровный, холодный, как сталь, слой рабочих задач. Это был мой проверенный способ не сойти с ума. Превратить непостижимый, личный ужас в безличный список дел. В таблицу. В график Ганта. В перечень проблем, которые можно пощупать, разобрать на части и решить по очереди. Магия бюрократии против магии абсурда.

Список дел. Начнем. Мысленно открываем новый файл.

1. **Оценить физическое состояние.**(Выполняется. Статус: удовлетворительное, сильная слабость, признаки анемии и истощения. Требуется: качественное питание, адаптация, контроль за симптомами. Риск: рецидив, обморок).

2. **Собрать первичную информацию о текущей ситуации.**(Источники: няня Агата (ключевой), другие слуги (осторожно), визуальный осмотр дома и территории, возможные случайные документы. Цель: составить первичное досье на дом Лисов, его долги, ключевых игроков (отец, Хогар, граф Даррен).

3. **Найти и оценить потенциальных союзников.**(Кандидат 1: няня Агата. Требует проверки на лояльность, мотивы и полезность. Кандидаты 2-n: неизвестны. Необходим анализ отношений среди прислуги).

4. **Оценить материальные и нематериальные ресурсы.**(Финансовые: негативные. Информационные: крайне скудные. Человеческие: низкоквалифицированные, вероятно, демотивированные. Физические: поместье, земли, постройки — требуют оценки состояния).

5. **Разработать и инициировать стратегию выживания и противодействия.**(Краткосрочная: избежать брака, обезопасить себя от Хогара. Среднесрочная: стабилизировать финансовое положение дома, чтобы получить пространство для маневра. Долгосрочная: …пока пусто).

Дверь скрипнула — тихо, осторожно, с той особой интонацией, с какой входят к тяжелобольному. В комнату, крадучись, словно боясь разбудить или спугнуть, вошла пожилая женщина. Она несла себя с достоинством, но в ее позе читалась привычная усталость и готовность

в любой момент сгорбиться под грузом забот. На ней было темное, почти черное платье из грубой, но плотной шерсти, с длинными рукавами и высоким горлом. Сверху — белоснежный, тщательно отглаженный чепец, закрывавший седые, туго заплетенные волосы. На груди — простой крест на кожаном шнурке. В ее руках, покрытых сетью синих прожилок и коричневатых старческих пятен, но еще крепких, дымилась глиняная чашка на простом деревянном подносе.

«Ведана, светик мой, ты уже сидишь!» — ее голос, хрипловатый от возраста и сдерживаемого волнения, дрожал мелкой рябью. И ее «баланс»… Он предстал перед моим внутренним взором не сложной паутиной, как у отца, и не грязным клубком, как у Хогара, а чем-то цельным, теплым и прочным, как старый дубовый сундук. Я увидела простые, ясные проценты, почти без полутонов: **90% — трепетная, вымученная заботой, самоотверженная любовь. 10% — глубокая, костная усталость, усталость от жизни, от бедности, от постоянной борьбы за существование.** Никакой лжи, никаких скрытых статей, двойных бухгалтерий или условных обязательств. Чистый, надежный актив. Единственное, что смущало — легкая, почти невидимая дымка страха, витавшая вокруг нее, словно холодный туман. Но он не был направлен на меня. Он был общим, фоном. Страхом перед будущим, перед хозяином, перед управителем. Страхом за свою «дитя», которое она, судя по всему, считала беззащитным.

«Няня Агата», — всплыло из клочков памяти, как всплывает со дна глубокого, мутного озера затопленный корабль — сначала смутные очертания, а потом все больше деталей. Не просто служанка. Нянька, кормилица. Она выкормила Ведану, когда та осталась без матери в младенчестве. Единственный по-настоящему близкий, любящий человек в этом холодном, расчетливом доме. Женщина, которая тайком приносила в детскую пряники и яблоки, пряча их от гнева отца и скупости экономки. Которая пела тихие, старинные колыбельные, когда девочка-Ведана плакала ночами от одиночества и страха перед огромным, темным домом. Которая лечила ссадины и ушибы не мазями (их не было), а своими приговорами и теплыми руками. Ее запах — запах свежего хлеба, сушеной лаванды и простого, резкого хозяйственного мыла — был одним из немногих якорных, успокаивающих воспоминаний в этом хаосе чужих образов.

«Принесла тебе отвару. Чтобы силы вернулись, кровь согрелась, сон отступил», — сказала она, подходя и ставя поднос на тумбу со знакомой, practiced аккуратностью. Ее глаза, цвета вылинявшей на солнце синей ткани, внимательно, почти болезненно изучали мое лицо, ища в нем знакомые черты, признаки «своей» девочки. «Ты… как ты? Он тут был… лорд отец. Говорил, ты странная какая-то. Не в себе. Бредишь бумагами.»

Я взяла чашку. Руки, тонкие, с длинными пальцами и бледными, почти синеватыми ногтями, не дрожали. Это был маленький, но важный триумф воли над слабостью. Травяной отвар пах мятой, ромашкой и чем-то горьковатым, корневым, возможно, валерианой или полынью. Сделала маленький, осторожный глоток. Теплота, почти жгучая, разлилась по пищеводу, согревая изнутри, проясняя последние клочья тумана в голове, как пар прочищает стекло.

«Я в порядке, няня. Просто… многое поняла, пока лежала. Как будто пелена с глаз упала, и я увидела все… по-другому». Это была не совсем ложь. Просто пелена была размером с целую жизнь, с целую вселенную. «Скажи, он… отец. Он действительно принесет мне бумаги? Те, что я просила? Или это была лишь отговорка?»

Агата села на краешек жесткого, прямого стула у кровати, сжала свои узловатые, изуродованные годами тяжелой работы руки так, что костяшки побелели. «Не знаю, дитятко. Он вышел от тебя, будто привидение увидел. Весь белый, как мел, губы трясутся, глаза выпученные. Молчал в коридоре, прислонился к стене, будто идти не может. Потом вдруг как крикнет, голосом не своим, диким: «Хогара ко мне! Немедленно!» Я из кухни слышала, аж похолодела.» Она покачала головой, и в ее голосе, тихом и ровном, прозвучала неприкрытая, давняя, как ржавчина, неприязнь. «Управитель этот… черная душа.» И снова «баланс» няни подтвердил

мое впечатление: от невидимого Хогара тянулась к ней жирная, липкая, черная нить «риска», «вреда» и глубокого, личного, проверенного годами недоверия. Она его боялась. И презирала.

«Что это за человек? Хогар? Расскажи мне все, что знаешь», — попросила я, делая еще глоток. Отвар действительно придавал сил, голова становилась яснее.

Няня наклонилась ко мне, понизив голос до конспиративного шепота, хотя в доме, казалось, не было ни души, только сквозняки гуляли по коридорам. «Приказчик. Лисует тут лет десять, а то и все двенадцать. С тех самых пор как старая управительница, Марта, божья ей царствие, померла от горячки. Сначала помощником был, из городских, лорду Альдрику льстил, цифры ему красивые подносил, тот его и повысил, Марту и поминать перестал. Глаза бегающие, не остановишь, ни в ком не задерживаются. Счеты, говорят, знает отлично, цифры в голове складывает быстрее, чем другие на дощечке костяшками щелкают. Лорд ему безмерно доверяет, все бумаги через него, все деньги… считает его своей правой рукой. А по мне…» Она махнула рукой, словно отгоняя назойливую, зловонную муху. «Нечистый на руку. Глаза… холодные. Змеиные. На людей смотрит, как на скот, что дешево стоит и дорого ест. И ко мне, старухе, и к тебе, барышне… в его глазах одна цена. Чай, не просто так ты в той библиотеке очутилась да с лестницы грохнулась. Он там вечно копается, свои учеты ведет, старые бумаги перебирает. Боится, что кто чужой глаз положит.»

Библиотека. Лестница. Обрывок памяти ударил, как удар тока по открытым нервам. Не картинка, а каскад ощущений, обрушившийся на меня: давящая темнота, сгущающаяся между высокими, черными стеллажами, похожими на надгробия. Скрип дерева под ногой — не обычный скрип старого дома, а тот, резкий, тревожный, что бывает, когда ступенька гнилая изнутри или… или специально ослаблена в одном месте. Запах: пыль веков, кисловатый дух старого пергамента, воска и… страха. Острого, детского, животного страха, заставляющего сердце колотиться, как птицу в клетке. Но не за жизнь. Нет. Страх был за что-то другое. За бумаги? За потрепанную, толстую книгу в кожаном переплете, что была зажата в тонких, цепких пальцах? За свернутый в трубку пергамент с печатью? Рука непроизвольно сжалась в кулак от одного этого воспоминания, ногти впились в ладонь.

Я медленно, стараясь не выдать внутренней дрожи, отставила чашку. «Няня, что я делала в библиотеке? В тот день? Ты знаешь? Что я искала?» Агата замялась, отвела взгляд к тлеющим, угасающим углям в камине, будто ища в них ответа. «Кто ж тебя знает, светик. Любила ты туда сбегать, от людей, от суеты, от… от всего. Читать что попало. Старые книги, летописи, хозяйственные записи даже, чего только не найдешь… Я ругалась — глаза себе испортишь в темноте, простудишься на сквозняке. Только в тот день… ты будто не читать пришла, а искать. Спешила, вся взволнованная, глаза горели. Говорила мне утром, еще до завтрака: «Няня, я должна найти одну бумагу. Старую смету или опись от прадеда Геральда. Там, кажется, может быть ответ». Бестолковое что-то. Давние бумаги, кому они нынче нужны? Прах прадедалов.»

Старую смету. Опись. У бухгалтера внутри меня что-то щелкнуло, сработал профессиональный, почти охотничий инстинкт. Архивные документы. Прадед. В бухгалтерии самая ценная, самая спасительная или самая опасная информация часто лежит не в текущих папках, а в самых старых, забытых всеми, заваленных пылью архивах. Там можно найти все: старые долговые расписки, уже погашенные по факту, но не аннулированные формально, с непогашенными печатями, которые можно было бы предъявить наивному или жадному кредитору. Или, наоборот, доказательства прав на что-то давно утраченное — участок земли, титул, долю в каком-то торговом предприятии, право на сбор пошлины. Заброшенный, списанный актив, о котором все забыли, но который по закону (какому бы он здесь ни был) еще может иметь силу. Или… компромат. Компромат на кого-то из предков, который можно использовать как рычаг.

«Идиотка», — подумала я внезапно, резко и зло, и поняла, что ругаю не себя, а ту, прежнюю Ведану. Наивного, одинокого ребенка, который, почуяв неладное в доме, полез в архивы, нашел или почти нашел что-то важное, но не имел ни сил, ни навыков, ни власти, ни даже

простой житейской хитрости, чтобы этим воспользоваться или хотя бы защитить найденное. Если она что-то и нашла, то это «что-то» явно стало причиной ее падения. Не несчастный случай. Не ее неловкость. Кто-то не хотел, чтобы она это нашла. Или не хотел, чтобы она об этом рассказала. И этот кто-то, скорее всего, был Хогар. А возможно, и не только он.

Холодок, острый как ледяная игла, пробежал по спине, заставив меня едва заметно вздрогнуть. Игра шла не только против абстрактных долгов и против брака по расчету. Здесь, в этих стенах, уже была совершена одна попытка убийства. Пусть замаскированная под несчастный случай, пусть, возможно, не доведенная до конца (или доведенная, но «я» по какой-то причине выжила), но попытка. И если я начну копать, вторая попытка будет более прямой и беспощадной.

«Няня, — сказала я тихо, но с такой несвойственной юной девушке твердостью, что старуха вздрогнула и посмотрела на меня с новым, смешанным выражением — страх и зарождающаяся надежда. — Мне нужно встать. И одеться. Сейчас же.»

Агата залопотала, замахала руками, словно отгоняя дурные мысли: «Да что ты, светик! Лежи, ради всех святых! Голова-то кружится наверняка! Три дня без памяти! Врача позвать надо, настоящего, из города…»

Но я уже откинула одеяло. Воздух комнаты, холодный, сырой и неподвижный, обжег кожу на ногах и руках. Ноги, худые, бледные, с синеватыми прожилками у колен и тонкими лодыжками, подчинились, хоть и заныли протестом, когда я поставила их на холодный, скрипучий пол. Я глубоко вдохнула, взялась за резную дубовую спинку кровати, ощущая под пальцами шершавость дерева, и медленно, с усилием поднялась. На мгновение мир поплыл, в висках застучало, в глазах потемнело. Я зажмурилась, упершись руками в дерево. *Держись. Ты не девочка. Ты проходила медкомиссию с давлением под двести и думала, что умрешь в очереди у кабинета. Ты рожала без обезболивающего и кричала так, что стекла дрожали. Это ерунда. Ерунда!*

«Дитя! Господи помилуй!» — агатин голос был полон неподдельного ужаса. Она подскочила, чтобы поддержать меня под локоть, но я уже выпрямилась, отпустила опору. Стояла. Шатко, как тростинка на ветру, но стояла. Вес тела распределился непривычно, центр тяжести был выше, чем в моем старом теле.

«Видишь? Все в порядке, — сказала я, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла натянутой, больше похожей на оскал. — Теперь… теперь к зеркалу. Мне нужно увидеть.»

Я сделала несколько неуверенных, скользящих шагов по скрипящему полу к треснувшему зеркалу в углу. Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустой, звонящей тишине комнаты. Агата, бормоча что-то под нос о своеволии, неразумности молодежи и гневе господнем, последовала за мной по пятам, на всякий случай протянув руки, как страховочную сетку под канатоходцем.

В мутном, зеленоватом, как вода в лесном болоте, отражении на меня смотрела незнакомка.

Худая, с острыми, выступающими скулами и впалыми щеками, будто после долгой, изнурительной болезни или голода. Кожа — фарфорово-бледная, почти прозрачная, с синеватыми, тонкими прожилками у висков и под глазами. И глаза… Большие, слишком большие для этого исхудавшего, подросткового лица. Цвета темного, почти черного меда, или крепкого чая, с густыми, длинными ресницами, которые отбрасывали синеватые тени на верхние скулы. Сейчас эти глаза были широко раскрыты, в них читались шок, холодная аналитическая оценка и леденящая, почти пугающая отстраненность. Ни тени кокетства, любопытства или юношеской мечтательности. Взгляд сорокалетней женщины, запертой в личине ребенка. Пышные каштановые волосы, отливающие темным красным золотом при свете из окна, были заплетены в бессильную, растрепанную, давно не расчесанную косу, из которой выбивались пряди, висящие вокруг лица. Высокий, умный, гладкий лоб. Тонкие, темные брови, изящно изогнутые, будто

нарисованные тушью. Прямой, с легкой, едва заметной горбинкой нос. Узкие, бледные, упрямо сжатые губы, лишенные естественного румянца.

Красивая. Хрупкая, как фарфоровая куколка. Совершенно, абсолютно чужая. Девочка-подросток, лет шестнадцати, не больше. В этом теле можно было увидеть будущую красавицу, если бы его накормили, вывели на солнце и заставили улыбаться. Но сейчас это была лишь оболочка. Изящная, но пустая рамка.

Я подняла руку — тонкую, с узким запястьем и длинными, гибкими пальцами — и коснулась щеки. Холодная, гладкая, как шелк, кожа. В отражении девушка повторила мой жест с микроскопической задержкой. Я повернула голову, рассматривая профиль: изящная, лебединая линия шеи, хрупкие, выступающие ключицы, заметные даже под грубой тканью ночной рубашки. Тело подростка, еще не сформировавшееся окончательно, лишенное знакомых округлостей и мягкости моего сорокалетнего тела. Ни грамма лишнего веса, только кости, кожа и напряженные, слабые мышцы. Но в этих глазах... в этих огромных, темных глазах не было ни капли детской наивности, юношеского задора или романтической мечтательности. В них была усталость, глубокая, выстраданная боль и железная, негнущаяся решимость женщины, которую жизнь загнала в угол, но которая и из угла намерена драться.

*Максим...*Имя пронзило сознание, как раскаленная докрасна игла, вонзившаяся прямо под сердце. Ему всего четырнадцать. Он там, один, в нашей полупустой трехкомнатной квартире на окраине города. Он остался без матери. Кто накормит его завтра? Кто, приходя с работы, будет ворчать, что он опять не вынес мусор и раскидал носки по всей прихожей? Кто будет сидеть с ним ночью, когда у него температура, и читать вслух его старую, потрепанную книгу про космические приключения, которую он вроде бы уже перерос, но все равно любит? Кто погладит его по взъерошенной, колючей голове, когда он придет из школы уставший и злой на весь мир? Кто скажет ему, что любит его, несмотря ни на что? Слезы, горячие, соленые, предательские, навернулись на глаза, сдавили горло комом. Я сжала веки, впиваясь коротко остриженными, но все равно острыми ногтями (не моими, слишком длинными и аккуратными!) в ладони. Боль, тупая и реальная, вернула меня из прошлого в настоящее. В эту комнату. В это тело.

*Нет. Не сейчас. Сейчас нельзя. Если я дам волю этому — я сломаюсь, как сухая ветка. И тогда меня либо выдадут замуж за какого-то холодного, расчетливого графа, либо найдут мертвой на той же лестницы, и на этот раз все будет выглядеть правдоподобно — ослабленный организм, рецидив. Я должна держаться. Ради него. Чтобы когда-нибудь… когда-нибудь, может быть, найти способ…*Мысль оборвалась, не всилах сформулировать невозможное.

Я глубоко, с присвистом вдохнула через нос, открыла глаза. Отражение в зеркале было спокойным. Немного бледным, но собранным. Влажный блеск в глазах исчез, сменившись сухим, аналитическим, почти стальным блеском. Я вытерла незаметным движением тыльной стороной ладони непослушную слезу, скатившуюся по щеке.

Носить это придется, — констатировала я без эмоций, как констатировала бы факт покупки неудобной, но необходимой по дресс-коду одежды. *Как неудобную, чужую, но единственную доступную униформу. Главное — не внешняя оболочка, а содержание. А содержание у нас, слава богу, пока что есть. И его нужно беречь, развивать и применять.*

«Помоги мне одеться, няня, — сказала я, отворачиваясь от зеркала, от этого призрака в стекле. — Что-нибудь простое, теплое и… чтобы не стесняло движений.»

Пока Агата, ворча и цокая языком, копошилась в гардеробе, я медленно ходила по комнате, разминая ноги, привыкая к новой центровке тяжести, к легкости и одновременно странной неуклюжести движений. Это было странно и непривычно. Мое старое тело помнило каждую старую травму — ноющий после перелома локоть, потянутую на даче спину, привычную тяжесть и отечность в ногах после целого дня на ногах. Здесь ничего этого не было. Была лишь общая слабость, словно после долгого гриппа, и непривычная, почти кошачья гибкость в суста-

вах. Я могла легко нагнуться, чтобы поднять с пола несуществующую соринку, не испытывая привычного протеста в пояснице. Это было… ново.

«Вот это, пожалуй, — сказала няня, доставая из глубины гардероба платье темно-синего, почти чернильного цвета из плотной, но мягкой шерсти. Покрой был простой, без кринолина, турнюра и прочих сложных конструкций, лишь с тонкой серебряной тесьмой по высокому горлу и узким манжетам. — Скромно, но прилично. Барышня раньше его не любила, говорила — как монашка, скучно. Носить отказывалась.»

«Идеально, — сказала я, рассматривая платье. — Практично. Не маркое. И не привлекает лишнего внимания.» Именно то, что нужно для первой ревизии.

Помогая мне надеть платье (что было нетривиальной задачей с множеством мелких крючков сзади и сложной системой шнуровок на лифе), Агата продолжала бормотать, уже скорее по привычке: «И куда ты собралась-то в таком виде? На людях показаться? Так тебя ветром сдует… На улицу — ни-ни, осенняя сырость…»

«Сначала здесь, в комнате, потом, может, по дому пройдусь, — ответила я, стараясь дышать ровно, пока она с усилием, но аккуратно затягивала шнуровку на спине. Платье сидело свободно, что подтверждало мою худобу. — Нужно же ноги размять. А потом… посмотрим. Может, в библиотеку загляну.»

«В библиотеку!» — няня аж поперхнулась. «Да ты с ума совсем! Туда, где…»

«Где я упала. Именно поэтому и нужно. Чтобы понять, что случилось.»

Пока я одевалась, в голове, как сложный многоуровневый пазл, складывался детальный, почасовой план на ближайшие сутки. Я любила планы. Они придавали иллюзию контроля в хаотичном мире. Они превращали страх в список задач, а задачи можно было выполнять по одной.

Цель на ближайшие 24 часа: выжить, получить информацию, заявить о себе.

· **Задача 1.1: Оценить обстановку.**Осмотреть дом не только как жилище, но как хозяйственный объект. Пройти по первому этажу, заглянуть в кухню, в хозяйственные помещения. Понимание реального состояния активов (от строений до запасов провизии) критически важно для оценки ресурсов.

· **Задача 1.2: Собрать информацию.**Выудить у Агаты и, возможно, других слуг (осторожно, через нее) все, что они знают о долгах, о Хогаре, о графе Даррене, о состоянии дел в поместье, о взаимоотношениях отца с соседями. Составить первичное, сырое досье. Записать ключевые моменты в уме.

· **Задача 1.3: Получить доступ к документам.**Либо заставить отца выполнить обещание, либо понять, почему он не может, и найти альтернативный доступ к бухгалтерии (архивы, черновики, переписка). Хогар — ключевое препятствие.

· **Задача 1.4: Осмотреть место «инцидента».**Библиотека. Ключевая точка. Нужно понять, что искала Ведана, где именно она упала, есть ли признаки подлога, и что могло стать причиной нападения. Собрать «вещественные доказательства», если они есть.

· **Задача 1.5: Заявить о себе.**Показать Хогару и, через него, отцу, что «барышня Ведана» больше не пассивный, покорный актив, который можно списать или продать. Это изменит расстановку сил, вызовет замешательство и, возможно, заставит их совершить ошибку.

Обувь нашлась мягкая, из тонкой, но прочной кожи, на гибкой подошве, без каблуков — что-то вроде домашних тапочек, но сшитых для улицы. Я надела их и сделала несколько уверенных шагов по комнате. Тело слушалось. Слабость отступала, уступая место нервной, собранной энергии. Голова была ясной, мысли — острыми, как отточенный клинок. *Готово. Пора начинать.*

В этот самый момент, будто почувствовав мое решение, в дверь постучали. Не два робких, вежливых постукивания служанки, не размеренный стук дворецкого, а один уверенный,

тяжелый, властный удар костяшками пальцев, прозвучавший не как просьба, а как приглашение к бою. Стук человека, который привык, что его впускают.

Сердце екнуло, сделав резкий, болезненный скачок в груди, но я мгновенно подавила испуг, превратив его в холодную концентрацию. *Первая проверка. Первое боевое крещение. Не отступить.*

«Войдите», — сказала я, направляясь к высокому, жесткому креслу у холодного камина. Я села, выпрямив спину, не облокачиваясь на спинку. Руки сложила на коленях, ладони вверх, в жесте кажущейся открытости и беззащитности, который, как я знала по опыту, часто контрастировал с внутренней собранностью и заставлял оппонента недооценивать тебя. Я не была больной девочкой в постели. Я была хозяйкой, пусть и юной, принимающей визитера в своей гостиной. Пусть даже гостиная была похожа на склеп.

Дверь открылась без скрипа — видимо, петли были недавно смазаны, в отличие от всего остального в доме. Вошел мужчина.

Не отец. Он был выше, шире в плечах, грузный, но не толстый — скорее, плотно сбитый, как боевой бык или медведь, привыкший таскать тяжести. На нем был камзол темно-зеленого, почти болотного цвета, из добротного, но немодного, грубоватого сукна. Рубашка под ним — белая, крахмальная, жабо аккуратное, без кружев. На широком, волосатом пальце правой руки — массивный перстень с темным, почти черным камнем (гагат? обсидиан?), не обручальный, а печатка, символ положения. Лицо — умное, хищное, с тяжелой, квадратной челюстью, широким ртом с тонкими губами и маленькими, глубоко посаженными глазами-щелочками цвета грязного льда или старого свинца. Эти глаза моментально, как щупальца холодного разума, просканировали комнату, задержались на няне, выразив молчаливое, привычное презрение к прислуге, и наконец уставились на меня, впиваясь, как крючки. Его «баланс» вспыхнул перед моим внутренним взором не картинкой, а целой сценой: сложной, грязноватой, липкой паутиной, сплетенной из алчных нитей. Я почти физически ощутила запах, исходящий от этого видения — запах лжи, старой алчности, пота от подсчетов чужих денег и холодного, беспринципного цинизма. Проценты выстроились сами, будто подсказанные неким внутренним оракулом: **60% — расчетливый, холодный, как сталь в мороз, цинизм. 25% — настороженность и быстрая, как у зверя, оценка новой угрозы. 10% — привычное, глубинное, неосознанное презрение (к женщинам, к молодости, к «изнеженным, глупым барышням», ко всему, что не приносит прямой выгоды). 5%… любопытство. Осторожное, холодное, как у кошки, увидевшей новую, странную игрушку, которую нужно обнюхать, прежде чем решить — играть или убить.**И вокруг него, как рой мошкары, витали цифры, но другие — не эмоциональные проценты, а конкретные, мерзкие суммы: золотых крон, серебряных талеров, медных фартингов. Суммы незадекларированных доходов, мнимых расходов на ремонт, двойных записей в бухгалтерских книгах, взяток поставщикам. Паутина его сущности была пронизана этими цифрами, как гнилой ствол — червоточинами. Он был ходячей бухгалтерской махинацией. И он знал об этом. И наслаждался этим.

*Хогар.*Управитель. Тот самый. И он был не просто нечист на руку, не мелкий воришка со склада. Он был профессиональным, системным казнокрадом, обокравшим своих хозяев на солидную, по меркам этого разоренного поместья, сумму. И он чувствовал себя в полной безопасности. До сих пор.

«Барышня Ведана, — он слегка склонил голову, но это не было поклоном. Это была оценка добычи, взвешивание на невидимых весах. Голос у него был гладким, бархатистым, нарочито-медовым, но в каждом слове, в каждой интонации чувствовалась стальная, негнущаяся оправа, готовность в любой момент сменить лесть на грубость, а грубость — на открытую угрозу. — Рад видеть вас на ногах. Знак добрый. Лорд Альдрик передает, что занят неотложными, крайне срочными делами, связанными с благополучием всего поместья. А вам поручил передать, что ваша вчерашняя просьба… несвоевременна и несколько неосмотрительна для

юной особы. Документы, как вы, надеюсь, понимаете, в состоянии некоторого беспорядка — наследие былых, не лучших времен. Их собрание, сверка и систематизация потребуют многих дней кропотливого труда, коего у нас, увы, в обрез. Он настоятельно, отцовски предлагает вам сосредоточиться на восстановлении здоровья, сил и… на подготовке к предстоящим важным событиям в вашей жизни. Вам следует думать о приданом, о достойных нарядах, о светских манерах, а не о сухих, пыльных счетах, которые только расстроят ваши нервы.»

Я смотрела на него, не моргая, позволяя его словам повиснуть в спертом воздухе комнаты, словно ядовитому туману. Мой молодой, ничего, казалось бы, не выражающий, задумчивый взгляд, направленный куда-то в пространство за его левым плечом, явно смущал его, нарушал его сценарий. Он ждал истерики, слез, жалобных вопросов, попыток давить авторитетом «дочери хозяина». Получал тишину. И в этой тишине его собственная, отлаженная годами уверенность начинала давать микроскопические, но для меня заметные трещины. Его «паутина» дрогнула, настороженность подскочила до 30%.

«Беспорядок в документах, господин Хогар, — сказала я наконец, ровным, кабинетным тоном, каким говорила с нерадивыми поставщиками, задерживавшими отгрузку, — есть первый и вернейший признак беспорядка в делах. Это создает значительные операционные, финансовые и, что не менее важно, репутационные риски для всего дома Лисов. Хаотичное управление отпугивает потенциальных партнеров и кредиторов, а в перспективе может привести к необратимым убыткам. Я прошу вас предоставить мне доступ к архивам и счетным книгам. Хотя бы за текущий и прошлый календарный год. Мне необходимо составить собственное, объективное представление о финансовом положении семьи, прежде чем я смогу хоть как-то обсуждать какие-либо… будущие события. Без понимания цифр любые разговоры о судьбе дома Лисов — не более чем гадание на кофейной гуще.»

Я сделала паузу, давая ему переварить слова. Его лицо оставалось каменным, но я видела, как цифры в его «паутине» забеспокоились, зашевелились, словно потревоженные осы. Процент настороженности подскочил до 35%, а презрение пошатнулось.

«Барышня, вынужден с прискорбием настаивать, — его голос стал еще более медовым, но в нем появилась ядовитая нотка снисходительности. — Это не женское дело. Цифры, отчеты, балансы, дебет с кредитом… Ваш удел, как благородной девицы из доброго, хоть и временно обедневшего рода, — музыка, вышивание, изящная словесность, perhaps танцы и, конечно, благопристойное, терпеливое ожидание достойной партии, которая вернет дому его блеск. Не обременяйте свою светлую, юную голову столь тяжкими и скучными материями. Доверьтесь опыту мужчин, которые несут это бремя.»

Внутри меня что-то закипело — старая, знакомая, глухая ярость женщины, которую всю жизнь пытались заткнуть в угол «женскими делами», пока она тянула на себе мужскую работу, закрывала дыры в бюджете и договаривалась с банками. Ярость, которую я научилась превращать в ледяную, режущую точность. Мой голос не дрогнул, он стал лишь тише и отчетливее, как удар лезвия по шелку.

«Мой удел, господин управитель, как единственной дочери и, насколько мне известно, единственной прямой наследницы дома Лисов, — обеспечить его сохранность, стабильность и будущее процветание. А для этого необходимо досконально, до последнего медяка, понимать, откуда текут средства, куда они уходят, и почему, несмотря на, как вы утверждаете, ваше усердное управление, мы находимся в состоянии, близком к финансовой катастрофе. Что касается легкости, даже поспешности, с которой вы отказываетесь предоставить хозяйке дома элементарную отчетность о состоянии ее же владений, то это вызывает у меня не просто вопросы. Это вызывает серьезные профессиональные подозрения.»

Я произнесла последнюю фразу, вложив в слово «профессиональные» весь вес своего опыта, а в слово «подозрения» — холодную угрозу аудитора, нашедшего нестыковку. Я не смотрела на него свысока — физически это было невозможно. Я смотрела на него прямо, глаза

в глаза, и в моем взгляде не было ничего юного или неопытного. Только спокойный, неумолимый анализ.

И я снова попала в цель. Его каменное лицо на миг дрогнуло, превратившись просто в маску из плоти, за которой бушевала паника. По его грязной, цифровой «паутине» пробежала резкая, алая, как свежая кровь, вспышка — **чистый, животный, немедленный страх.**Быстрая, как удар гремучей змеи, но я ее поймала, зафиксировала в памяти как актив. И сразу же увидела, как вслед за страхом, на его подавление, мгновенно нарастает ярость и холодное, практическое решение. *Опасность. Конкретная, прямая опасность. Ее нужно устранить. Быстро и тихо.*

*Есть.*Он не просто вор. Он вор, почуявший угрозу своему благополучию. И такой человек опасен вдвойне. Но у страха, как я знала, есть и обратная сторона — он заставляет совершать ошибки. Он снижает осторожность. И сейчас Хогар был напуган. Значит, я на правильном пути.

Он выпрямился, его грузная фигура словно раздулась, заполнила пространство между дверью и моим креслом, отбрасывая на меня тяжелую тень. «Вы, сударыня, — его голос потерял последние следы бархатистости, в нем зазвенела голая, некрашеная сталь, — покушаетесь не только на мою честь и репутацию, выкопанную годами честного труда, но и на авторитет вашего отца, который доверил мне ведение всех дел. Я служу дому Лисов верой и правдой все эти долгие годы, и лорд Альдрик всегда был более чем доволен моей работой. Ваши… юношеские фантазии, подогретые болезнью, не дают вам права бросать такие тяжкие обвинения!»

«Верой — возможно, — я перебила его, вставая. Тело, к счастью, не подвело, не дрогнуло, выдержало это движение с достоинством. Я была ниже его на голову, хрупкая и тонкая рядом с его грузной мощью, но мой взгляд, направленный прямо в его глаза-щелочки, заставил его на мгновение инстинктивно отступить на полшага, как отступают от внезапно брызнувшей кислоты. — Правдой — мы это проверим. Лично. И очень тщательно. А пока вы передадите моему отцу, что я жду обещанные документы к завтрашнему утру. Если он слишком занят или, как вы говорите, документы в беспорядке, я начну инвентаризацию активов поместья сама. Начну с кухни и кладовых. Со склада провизии. С амбаров. Мне понадобятся ключи от всех хранилищ, подвалов и конторок. А также все приходно-расходные книги, накладные и договоры с поставщиками за последние три года. Сегодня же. До вечерней трапезы.»

Хогар замер. В комнате повисла тишина, настолько густая, что в ушах зазвенело. Его маленькие, холодные глаза сузились до булавочных уколов, в них бушевала настоящая буря: ярость, панический страх, лихорадочный расчет. Я почти физически чувствовала, как в его голове, привыкшей к обману и манипуляциям, проносятся мысли, сталкиваясь друг с другом: *Кто она? Что с ней случилось? Удар головой? Колдовство? Порча? Это не та плаксивая, запуганная Ведана, которая боялась собственной тени. Это что-то другое. Что-то чужое. Опасное. Нужно выяснить. Нужно нейтрализовать. Но как? Сейчас? Нет, слишком открыто. Няня свидетель. Ее можно купить или запугать, но это лишний шаг. Отец… отец в панике, но он все еще хозяин. Нужно поговорить с ним. Убедить. Надо думать. Но эта… эта тварь требует ключей!*

Молчание длилось несколько секунд, которые показались вечностью. Няня Агата замерла у стены, возле комода, дыша едва слышно, прижав к груди краечек своего фартука. Ее баланс излучал такой чистый, безоговорочный ужас, что мне стало почти жаль ее. Но отступать было нельзя.

«Как прикажете, *барышня*, — наконец прошипел он, и это обращение прозвучало как самое отъявленное ругательство. Поклон, который он совершил, был чуть ниже предыдущего, почти до издевательского, но от этого не менее фальшивым и злобным. — Я передам вашу… волю лорду Альдрику. Что же касается ключей и книг… они находятся под моей личной ответственностью. Я предоставлю их для вашего ознакомления, когда сочну нужным и удобным для

бесперебойного ведения хозяйства. Мы не можем позволить, чтобы жизненно важные документы и доступ к запасам оказались в неподготовленных руках. Это может привести к еще большему хаосу.»

Он развернулся, не дожидаясь ответа, демонстративно показывая спину — жест пренебрежения и уверенности в своей безнаказанности. Он вышел, притворив дверь не хлопнув, а с таким медленным, emphatic, давящим усилием, что массивные дубовые доски задрожали, а в оконных стеклах запрыгали и исказились отражения свечей. Звук щелчка замка прозвучал невероятно громко.

В комнате воцарилась тишина, густая, как кисель, тяжелая, как свинец.

Няня Агата стояла, прижав ладони ко рту, ее глаза были круглыми от неподдельного ужаса. «Дитятко… да он… да он тебя теперь в гроб вгонит! Слышала ты, как он говорил? Видела его глаза? Это же… это же взгляд убийцы! Он не потерпит такого! Никогда!»

Я подошла к окну, чтобы скрыть дрожь в коленях, которая наконец-то накрыла меня, когда отступил адреналин. Сердце колотилось как сумасшедшее, стуча в висках и в горле. Я только что наступила на хвост гремучей змее. Не просто наступила — пнула ее. И осталась жива. Пока что. Но змея была ранена и теперь знала мой запах.

«Он ничего мне не сделает, няня. Пока не поймет, с чем имеет дело, — сказала я, глядя на унылый, голый парк, на грязную дорогу, уходящую в туман. — А чтобы понять, ему понадобится время. Он должен будет проверить, не блефую ли я. Проследить за мной. Поговорить с отцом. Разработать план. Которого у него, как я надеюсь, не так много. Он уже совершил одну ошибку — показал свой страх. Не словами, няня, а глазами, жестами. Теперь он будет действовать осторожнее, хитрее. И это даст нам маленькую, но важную фору.»

«Нас?» — прошептала старуха, оторвав руки ото рта. В ее голосе была не только тревога, но и какая-то новая, робкая нота.

Я повернулась к ней. В ее балансе страх никуда не делся, но к нему добавилась та самая стальная решимость, которую я заметила раньше, и… изумление. Изменение, которое она видела во мне, было настолько радикальным, что пугало, но и вселяло какую-то дикую, немыслимую надежду. «Да, няня. Мне нужна ваша помощь. И я прошу вас не из каприза или девичьего своеволия. Я прошу, потому что дом Лисов, ваш дом, дом, в котором вы прожили большую часть жизни, тонет. Отец тонет в долгах и в собственном бессилии. Хогар его обворовывает и, очень возможно, готов на большее. Если ничего не изменить, через месяц здесь будет хозяйничать граф Даррен или какой-нибудь заимодавец. Вас, няню, скорее всего, вышвырнут на улицу как ненужный хлам. А меня… меня продадут. Как вещь. Я не позволю этому случиться. Но я одна не справлюсь.»

Агата молча смотрела на меня. Ее старческие, выцветшие глаза блестели. Потом она медленно, тяжело опустилась на колени прямо на скрипучий пол и взяла мою руку — тонкую, холодную — в свои теплые, шершавые ладони.

«Говори, что делать, светик, — ее голос был тихим, но в нем не дрогнула ни одна нота. — Старая я, глупая, но сердцем чую… ты не моя прежняя девочка. Та умерла в тот день на лестнице. А ты… ты пришла вместо нее. С неба, из-под земли, из книг — не знаю. Но ты пришла бороться. Значит, так надо. Значит, светлые силы тебя послали. Я помогу. Чем смогу.»

В ее балансе любовь и преданность запылали таким чистым, ярким пламенем, что у меня снова сдавило горло. Здесь, в этом жестоком и абсурдном мире, кто-то видел во мне не угрозу, не чудовище, а надежду. Это было страшной ответственностью. И невероятной ценностью.

«Встаньте, няня, пожалуйста, — я помогла ей подняться. — Первое, что нужно сделать — провести меня в библиотеку. Туда, где я упала. Тихо, чтобы никто не видел. Вы знаете пути?»

«Знаю, — кивнула она, отирая краешком фартука навернувшуюся слезу. — Через потайную лестницу для слуг, из буфетной. Там редко кто ходит, особенно сейчас.»

«Идеально. Ведите.»

Мы вышли из комнаты в темный, холодный, пахнущий сыростью и старостью коридор. Дом молчал вокруг, но это было враждебное, настороженное молчание. В нем слышалось эхо недавних ссор, шепот давних долгов, скрип невыгодных сделок, призрачный смех тех, кто уже считал это поместье своим. Я шла за Агатой, держась рукой за шершавую стену, и чувствовала, как нарастает нечто новое внутри. Не страх. Даже не надежда. А знакомое, рабочее, почти спортивное напряжение перед большой, сложной проверкой. Предвкушение хаоса, в который нужно влезть и который нужно упорядочить, разложив все по полочкам, пронумеровав и оценив.

Первый выстрел в войне был сделан. Первый отчет о намерениях подан. Теперь предстояло найти первую настоящую нестыковку. Первую цифру, которая не сходилась с другой. Первую ниточку, потянув за которую, можно было начать распутывать весь этот грязный клубок.

А потом — заставить весь этот нелепый, жестокий, фантастический мир, в который я попала, в конце концов свести баланс. Чтобы активы равнялись пассивам. Чтобы каждая подлость имела свою цену. И чтобы справедливость, хоть и в моем, сугубо бухгалтерском понимании, восторжествовала.

Мы вышли из комнаты в темный, холодный, пахнущий сыростью и старостью коридор. Дом молчал вокруг, но это было враждебное, настороженное молчание. В нем слышалось эхо недавних ссор, шепот давних долгов, скрип невыгодных сделок, призрачный смех тех, кто уже считал это поместье своим.

Я шла за Агатой, держась рукой за шершавую стену, и чувствовала, как нарастает нечто новое внутри. Не страх. Даже не надежда. А знакомое, рабочее, почти спортивное напряжение перед большой, сложной проверкой. Предвкушение хаоса, в который нужно влезть и который нужно упорядочить, разложив все по полочкам, пронумеровав и оценив.

Первый выстрел в войне был сделан. Первый отчет о намерениях подан. Теперь предстояло найти первую настоящую нестыковку. Первую цифру, которая не сходилась с другой. Первую ниточку, потянув за которую, можно было начать распутывать весь этот грязный клубок.

Агата вела меня через лабиринт служб. Мы спустились по узкой, крутой лестнице, миновали полутемную буфетную с запахом кислого вина и старого дерева, и через низкую, скрипучую дверь вышли в еще один коридор, но уже с другим запахом — пыли, воска и старой бумаги.

«Вот здесь, — шепотом сказала няня, указывая на высокую дверь из черного дерева, украшенную резными виноградными лозами. — Главный вход — с парадной лестницы. Но мы зайдем через служебную. Тихо.»

Она нажала на незаметную панель в стене, и часть панелей отъехала в сторону с тихим скрежетом, открывая узкий проход. За ним — темнота. Агата достала из кармана маленький подсвечник с огарком свечи, чиркнула кресалом, и слабый свет заколебался в сыром воздухе.

«Осторожно, ступеньки крутые.»

Мы поднялись по еще одной винтовой лестнице, настолько узкой, что я задевала плечами стены. Наконец, Агата приоткрыла еще одну потайную дверцу, и мы оказались на галерее второго яруса библиотеки.

Я замерла, охваченная смешанным чувством. Библиотека дома Лисов была огромной. Двухсветный зал с высокими, до самого потолка, стеллажами, заполненными книгами и свитками. Галерея второго яруса опоясывала зал по периметру, и с нее можно было попасть к верхним полкам. Сводчатый потолок был затянут паутиной, а с него свисали люстры, похожие на застывшие сосульки из пыли и латуни. Воздух был холодным, неподвижным и густым от запаха старых переплетов, плесени и чего-то еще… чего-то металлического, что щекотало ноздри. Страха? Смерти?

Но это были эмоции. А мой профессиональный взгляд отмечал другое: беспорядок. Книги были свалены кое-как, некоторые лежали на полу, многие полки стояли пустыми. Виднелись четкие прямоугольники пыли там, где недавно стояли фолианты. *Активы выбывают*, — холодно констатировала я. *Проданы? Заложены? Украдены?*

«Вон там, — прошептала Агата, указывая на один из пролетов галереи. — Лестница на третий ярус, где хранятся самые старые бумаги. Она… она там упала.»

Я подошла к указанному месту. Лестница была узкой, крутой, с высокими ступенями, без перил. Типичная служебная лестница для доступа к верхним архивам. Вся конструкция выглядела древней и ненадежной. Но мое внимание привлекло не это.

Включился «внутренний аудит».

Я смотрела на лестницу, и перед моим мысленным взором поплыли цифры, линии, цветовые пятна. Большая часть конструкции светилась ровным, тусклым серо-зеленым — признак возраста и износа, но не критического. Но одна ступенька, третья снизу, выделялась. Она была помечена ярким, тревожным красным цветом, и вокруг нее вился цифровой код, словно предупреждение в системе: **РИСК: 87%. ВЕРОЯТНОСТЬ ОТКАЗА: ВЫСОКАЯ.**

Я медленно поднялась по первой и второй ступеням, чувствуя, как старая древесина слегка прогибается под моим легким весом. На третьей ступени я остановилась, не наступая на нее. Присела на корточки, стараясь дышать ровно. Агата, стоя внизу, замерла, словно боялась спугнуть тишину.

Вглядевшись, я увидела: стык между ступенькой и тетивой (боковой опорой лестницы) был не таким, как у других. На других ступенях были видны толстые деревянные шипы, вбитые в пазы, и следы старого, почерневшего клея. Здесь же шип выглядел… слишком новым. И слишком тонким. А главное — вокруг стыка не было пыли. Ее аккуратно смахнули, но не везде: в щели между ступенькой и тетивой забилась серая пыль, и на ее фоне отчетливо блеснуло что-то металлическое.

Сердце заколотилось чаще. Я осторожно, не касаясь ступеньки, наклонилась еще ниже. Да, в щели, у самого основания шипа, застрял маленький предмет. Я достала из складок платья тупую деревянную палочку, которую подобрала в буфетной (инстинкт аудитора — не оставлять отпечатков), и аккуратно подковырнула ею предмет.

Он упал на следующую ступеньку с тихим металлическим звоном. Это была запонка. Простая, из латуни, потускневшая от времени, но без слоя пыли — значит, потеряна недавно. На ее лицевой стороне был выгравирован не герб и не инициалы, а странный знак: стилизованная перевернутая буква «Х», из-под которой расходились две волнистые линии, похожие на змей или на… ключи. Знак Хогара? Или знак гильдии, к которой он принадлежал?

Вещественное доказательство. Прямая улика. Но улика чего? Подлога? Попытки убийства? Пока только подлога. Но этого было достаточно, чтобы начать.

Я не стала брать запонку руками. Вместо этого порвала край своей нижней юбки (грубая ткань, не жалко) и, завернув в нее находку, сунула в карман платья. Затем внимательно осмотрела саму ступеньку. Кроме подпиленного шипа, других повреждений не было. Значит, кто-то ослабил крепление, рассчитывая, что ступенька подломится под весом человека. Девочки-подростка. И этот кто-то был здесь недавно и потерял свою запонку в спешке или неосторожности.

Я спустилась вниз, чувствуя, как холодный пот выступает на спине под теплым платьем. Это была не абстрактная угроза. Это было конкретное, расчетливое покушение. И преступник, скорее всего, знал, что Ведана что-то искала в архивах. Значит, либо следил за ней, либо она сакомолично ему сказала. Наивная дурочка.

«Няня, — тихо спросила я, отойдя от лестницы. — Ведана… я… рассказывала кому-нибудь о том, что ищет старые бумаги? Хогару? Отцу?»

Агата задумалась, ее лицо стало скорбным. «Хогару… не думаю. Она его боялась. А отцу… может, и проронила что за обедом. Лорд Альдрик часто жаловался при ней на долги, на старые ошибки. Могла, глупенькая, захотеть помочь, похвастаться, что найдет выход…»

Вот и возможный канал утечки. Отец, не подумав, проболтался Хогару. Или Хогар сам подслушал. Неважно. Цепочка выстраивалась.

«Покажем мне, где хранятся самые старые документы. Те, что искала Ведана.»

Мы поднялись по другой лестнице — более надежной — на третий ярус, в своего рода чердак над библиотекой. Здесь было еще темнее, холоднее, и воздух был настолько густым от пыли, что я закашлялась. Полки здесь были не книжными, а архивными — с тяжелыми папками, свертками, перевязанными шнурами, и деревянными ящиками.

И здесь я снова ощутила дисбаланс. Сильный, как удар в переносицу. Одна из полок, в дальнем углу, светилась в моем восприятии не просто красным, а алым, тревожным, почти кричащим цветом. Я подошла. На полке лежали разрозненные бумаги, но на них, как на ступеньке, не было пыли. Зато на соседних полках пыль лежала ровным, нетронутым слоем.

Кто-то недавно активно рылся именно здесь.

Я стала просматривать папки, стараясь не смазать возможные отпечатки. Большинство документов были хозяйственными описями полувековой давности. Но одна папка, самая толстая, была пуста. На ее корешке золотым, потускневшим тиснением значилось: «Геральд Лис. Инвентаризация и долговые обязательства. 567-580 гг.»

Прадед. И именно эта папка была пуста. Но не до конца. На дне, в уголке, лежал обрывок пергамента. Я осторожно взяла его. Это был уголок страницы, оборванный неровно, будто кто-то вырвал лист из книги или папки в спешке. На нем угадывались несколько слов, написанных выцветшими чернилами: «…за долг в сумме двести крон золотом… залогом служит южное поле и мельница… возврат по первому требо…»

И подпись: неразборчивая, но рядом — оттиск печати. Не дома Лисов. Чужой. Возможно, кредитора.

Я положила обрывок в карман рядом с запонкой. Это было что-то. Очень мало, но что-то. Кто-то забрал основной документ. Возможно, тот, кто толкнул Ведану. Возможно, Хогар. И этот документ, судя по всему, был долговой распиской или договором залога. И если залогом было поле и мельница… а они до сих пор числились за домом Лисов? Или уже нет?

В голове застучало. Нужно было проверить текущие права на собственность. Но для этого нужны были документы, которые Хогар отказывался давать.

Мы провели в библиотеке еще полчаса, но больше ничего существенного не нашли. Я запомнила расположение полок, состояние архивов. Активы в виде информации были разграблены или испорчены. Но я нашла две ниточки: запонку и обрывок.

Возвращаясь через потайные ходы в свою комнату, я уже строила планы. Первоочередные задачи теперь конкретизировались:

1. Установить, чья запонка. Найти способ незаметно сравнить ее с тем, что носит Хогар.

2. Узнать, какие именно земли и мельницы числятся за поместьем сейчас.

3. Получить доступ к текущим документам, несмотря на сопротивление.

В комнате уже сгущались сумерки. Агата, видя мою задумчивость и бледность, зажгла свечи и принесла ужин — ту же овсянку и кусок сыра. Я ела автоматически, почти не ощущая вкуса.

После ужина я попросила няню принести мне чернил, пера и любой чистой бумаги. Она принесла потрепанный блокнот с пожелтевшими страницами и чернильницу, в которой чернила засохли почти полностью. Пришлось разбавлять их водой.

Когда няня удалилась, я села за стол у окна, зажгла еще одну свечу и открыла блокнот. На первой странице детским почерком были нацарапаны стишки о цветах и птичках. Веданина рука. Я перевернула страницу. Чистая.

Я обмакнула перо и вывела заголовок: **«БАЛАНС. День первый.»**

И начала писать. Не связным текстом, а списками, таблицами, схемами. Так работал мой мозг.

АКТИВЫ:

1. Сознание, знания, опыт (М.С.)
2. Тело (В.Л.) — молодое, здоровое, требует питания.
3. Статус — барышня дома Лисов (формальный, обесцененный).
4. Няня Агата — лояльность подтверждена.
5. Улики: 1 запонка (знак «Х»), 1 обрывок документа (долг/залог).
6. Информация: Хогар ворует. Отец в панике. Было покушение на В.Л. в библиотеке.

ПАССИВЫ:

1. Долги (неизвестного размера).
2. Хогар — враждебен, опасен, вероятно, украл документы.
3. Отец — слаб, находится под влиянием Хогара, рассматривает меня как актив для продажи.
4. Граф Даррен — потенциальный покупатель.
5. Физическая слабость (после болезни).
6. Незнание мира, законов, обычаев.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ (краткосрочный):

1. Завтра — попытаться получить доступ к кухне/кладовым без ключей. Оценить реальные запасы.
2. Выведать у Агаты больше о текущих делах, о мельнице и южном поле.
3. Наблюдать за Хогаром — носит ли он такие запонки?
4. При следующей встрече с отцом — требовать документы более настойчиво, возможно, пригрозить обращением к закону (если такой существует и что-то значит).
5. Найти способ связаться с внешним миром (соседи? город?) для проверки истории с долгом прадеда.

Я откинулась на спинку стула и потерла виски. Голова гудела от усталости и переизбытка информации. Внезапно, в тишине комнаты, прорвалось то, что я сдерживала весь день.

Из кармана платья я достала не запонку и не обрывок. Я достала… ничего. Просто сжала ладони, но в воображении я держала фотографию. Ту самую, в серебряной рамке, что стояла у меня на рабочем столе. Максим, в кепке, улыбается, щурясь на солнце. Ему четырнадцать. Он ждет.

Слезы потекли сами, тихие, горькие, беззвучные. Я не рыдала. Я просто сидела и плакала, глядя в темное окно, в котором отражалось мое чужое, бледное, искаженное горем лицо. *Мальш, прости меня. Мама здесь. Мама жива. Но как тебе это сказать? Как найти дорогу назад?*

Это была боль, которую нельзя было вписать ни в один баланс. Неприходная статья. Чистый убыток души.

Я дала себе пять минут. Ровно пять. Потом глубоко вдохнула, вытерла лицо рукавом платья (этикетки подождет) и снова взяла перо.

Внизу страницы, под всеми расчетами, я вывела отдельной строкой, крупными буквами:

ЦЕЛЬ 1: ВЫЖИТЬ И ОБЕЗОПАСИТЬ СЕБЯ.ЦЕЛЬ 2: НАЙТИ СПОСОБ ВЕРНУТЬСЯ К МАКСИМУ.

И под этим, уже совсем мелко, как секретную пометку:

А для этого нужно сначала стать сильной здесь. Очень сильной.

Я задула свечу. Комната погрузилась в темноту, нарушаемую только слабым отсветом луны в окне. Я легла в кровать, холодную и чужую, и уставилась в балдахин.

Первая глава моей новой жизни — жизни Веданы Лис — была написана. Не чернилами, а действиями. Страх, отчаяние, анализ, план. И две маленькие, но очень важные улики в кармане.

Завтра начнется вторая глава. И я буду готова.

Глава 2. Оборотные ведомости

Утро началось не с ключей и не с документов. Оно началось с запаха скудной овсянки и пронзительного холода.

Я проснулась от того, что дрожала, свернувшись калачиком под тонким одеялом. Камин давно погас, и сырость осеннего утра просочилась сквозь толстые стены, осела инеем на дубовых балках потолка. Я лежала, уставившись в полог, и несколько минут просто пыталась собрать себя в кучу. Вчерашняя встреча с Хогаром, находка в библиотеке, дрожащая решимость няни Агаты — все это казалось сейчас сном наяву. А реальностью был леденящий холод под ребрами и пустота в желудке, подчеркивающая чужеродность этого тела.

Максим, наверное, сейчас спит, завернувшись в свое одеяло с роботами. У него в комнате тепло. И ему не нужно думать, как спастись от продажи с молотка.

Я резко села, отгоняя мысли. Сегодняшний день требовал ясной головы. Первым делом — инвентаризация ресурсов. Я заставила себя встать и подойти к окну. Парк тонул в густом, молочном тумане. Ни признака жизни. Поместье дремало, как больное животное. Мой взгляд автоматически оценивал «активы»: разваливающаяся ограда (ремонт: высокая срочность, низкая вероятность), грязная дорога (логистические потери), голые деревья (дрова — потенциальный доход?).

Дверь скрипнула, и вошла Агата. Несла поднос. Запах овсянки стал сильнее, но не аппетитнее. «Светик, вот, подкрепись», — сказала она, ставя передо мной миску с жидкой, сероватой кашей и кусок черствого, темного хлеба. Ни масла, ни меда, ни даже соли в придачу. Ее баланс излучал стыд и беспомощность.

«Спасибо, няня, — сказала я, садясь. — Это… все, что есть?» Агата опустила глаза. «У Хогара ключ от главной кладовой. Он выдает провизию по норме. А норма… стала меньше.»

Я кивнула, принимая информацию. Еще одна статья в мысленный отчет: **«Хищение пищевых ресурсов. Метод: ограничение потребления под видом экономии. Результат: ослабление работоспособности персонала и хозяйки.»**

Я стала есть безвкусную кашу, заставляя себя глотать. Это было топливо. Мозгу нужна энергия.

Не успела я допить, как в дверь, несмело, постучали. Вошла юная, тщедушная горничная, которую я мельком видела вчера. Она не поднимала глаз, теребя передником. «Барышня… лорд отец… просит вас пожаловать к нему в кабинет. Как… как закончите с трапезой.» Голосок дрожал.

Ну что ж. Первая повестка. Надо идти на допрос, а точнее — на переговоры о капитуляции. Но капитулировать я не собираюсь.

«Скажите отцу, что я буду через десять минут, — ответила я ровно. Горничная шмыгнула за дверь.

«Ох, светик, будь осторожна, — зашептала Агата, помогая мне надеть то же темно-синее платье. — Он вчера после тебя всю ночь с Хогаром просидел, в кабинете. Пил. Голоса их слышались злые.»

«Тем лучше, — сказала я, глядя на свое отражение в треснувшем зеркале. Бледное лицо, огромные серьезные глаза. Идеальная маска для игры. — Пьяный человек или злой человек хуже соображает. А нам нужна ясность.»

Я выпрямила плечи и вышла в коридор.

Путь в кабинет отца пролегал через анфиладу почти пустых, холодных залов. Когда-то здесь, должно быть, давали балы. Теперь в огромных каминах лежал холодный пепел, а с потолков смотрели потускневшие фамильные портреты — длинный ряд суровых мужчин и бледных женщин с фамильной хитринкой в глазах. Последним в ряду висел портрет моего отца, лорда

Альдрика, еще молодого, в парадном камзоле, с гордым взглядом. Сейчас от той гордости не осталось и следа.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Я постучала. «Войди, Ведана.» Голос отца звучал устало и раздраженно.

Я вошла. Кабинет был единственным помещением в доме, которое еще пытались содержать в порядке. Книги в шкафах, хоть и старые, стояли ровно. Массивный дубовый стол был завален не бумагами, а пустыми бутылками и одним початвшимся кувшином вина. Воздух пах табаком, кислым вином и отчаянием.

Лорд Альдрик сидел за столом, опершись головой на руку. Он выглядел на десять лет старше, чем вчера. Глаза были красными и опухшими, на лице — щетина. На нем был тот же камзол, что и вчера, помятый. Его баланс представлял собой жалкое зрелище: хаотичное мелькание цифр. **Страх (40%), Злость (30%), Растерянность (20%), Остатки гордости (10%).**И над всем этим — жирная, красная цифра общего долга, которая, казалось, давила ему на плечи.

«Садись, дочь, — он махнул рукой в сторону стула, не глядя на меня. Я села, сохраняя прямую спину. Ждала.

Он тяжело вздохнул, налил себе из кувшина мутной жидкости в стакан, отпил. «Вчерашний твой… перфоманс, — начал он, с трудом подбирая слова, — поставил меня в очень неловкое положение. Хогар, мой верный управитель, человек, который держит на своих плечах все хозяйство, пока я разрываюсь между долгами и попытками спасти наше имя… он оскорблен. Глубоко оскорблен.»

Я молчала. Пусть выговорится.

«Он говорил мне, что ты, должно быть, все еще больна. Что у тебя горячка, помутнение рассудка. Что тебе мерещатся какие-то хищения.» Он наконец поднял на меня взгляд, и в нем была немой укор. «Ведана. Мы на краю пропасти. Граф Даррен — наш последний шанс. Его люди уже прислали письмо с вопросами о… о твоем состоянии. Если слухи о твоем неадекватном поведении дойдут до него… Он не захочет связывать свое имя с сумасшедшей. Ты понимаешь? Ты губишь нас своими глупыми, детскими выходками!»

Он ударил кулаком по столу, зазвенели бокалы. Его злость подскочила до 45%.

Теперь мой ход. «Отец, — начала я тихо, но четко. — Давайте говорить не о чувствах Хогара, а о фактах. О цифрах. Вы сказали, что он держит хозяйство на своих плечах. Хорошо. Пусть он докажет это. Открытой бухгалтерией.»

«Ты ничего не понимаешь в управлении!» «Возможно. Но я понимаю в арифметике, — парировала я. — Если дела идут так хорошо, как он утверждает, почему мы едим жидкую овсянку без соли? Почему в кухонной книге расход муки втрое превышает то, что я видела в кладовой? Почему, когда я попросила показать договоры с поставщиками зерна, он отказался, сославшись на «беспорядок»? Беспорядок в документах — первый признак беспорядка в голове или… в совести управляющего.»

Я делала паузы, давая каждому вопросу вонзиться, как гвоздю. Его баланс лихорадочно менялся: злость уступала место страху, растерянность росла.

«Ты… ты откуда это знаешь? Про кладовую?» «Я провела первичный осмотр. Глазами, отец. И носом. Запах гнили от якобы испорченного зерна, списанного в прошлом месяце, до сих пор стоит у дальнего амбара. Но я заглянула туда. Там пусто. Значит, зерно не сгнило. Его либо продали, либо украли.»

Это была небольшая ложь. Я не заглядывала в амбар. Но «внутренний аудит», когда я проходила мимо, выдал стойкое ощущение «пустоты» и «сокрытия». Рискнула. И попала.

Лицо отца побелело. «Продали… Но он говорил… была партия с жуком…» «Жук, отец, оставляет следы. Я их не увидела. Я увидела подметенный пол и следы от мешков, которые уносили в спешке.»

Я играла ва-банк, основываясь лишь на интуиции и логике. Но логика была железной. Хогар был вором. И теперь, глядя на отца, я видела, как в его голове наконец-то, сквозь туман вина и отчаяния, пробивается страшная догадка.

Он откинулся на спинку кресла, закрыв лицо руками. «Боже всемогущий…»

«Отец, — сказала я, смягчая тон. Теперь не время для агрессии. Время для предложения решения. — Я не хочу губить дом. Я хочу его спасти. Но чтобы спасти, нужно поставить точный диагноз. Мне нужен доступ. Официальный. Ваш приказ.»

Он молчал. «Если Хогар честен, проверка лишь подтвердит его ценность и вашу мудрость, выбравшую его. А я успокоюсь и перестану «позорить» дом. Если же нет… — я сделала эффектную паузу. — Вы предпочитаете быть благородным банкротом, обманутым собственным слугой, или хозяином, который вовремя навел порядок и, возможно, спас достаточно, чтобы вести переговоры с графом Дарреном с позиции силы, а не мольбы?»

Это был удар ниже пояса. По его мужской гордости. По остаткам амбиций. Его баланс замер, а потом цифры совершили переворот. **Страх перед правдой (50%), Злость на Хогара (25%), Слабый, дрожащий расчет (25%).** Гордость исчезла.

Он медленно открыл глаза. Взгляд был мутным, но в нем появилась решимость загнанного зверя. «Что… что тебе нужно?» «Приказ. От вашего имени. Дающий мне право ознакомиться со всеми хозяйственными книгами, описями, договорами и доступом во все кладовые поместья. В воспитательных целях. Чтобы я, как будущая хозяйка, понимала, как управляется имение.»

Он заколебался. «Хогар никогда…» «Хогар — ваш наемный управляющий. Вы — лорд Лис. Вы отдаете приказы. Или он уже стал лордом?»

Это было жестоко. Но эффективно. Он вздрогнул, как от пощечины. Затем резко потянул к себе лист пергамента, схватил перо, обмакнул в почти засохшие чернила и стал что-то быстро, нервно писать. Рука дрожала. Он не составлял юридически грамотный документ. Он выводил гневные, размашистые строки.

«Отныне дочь моя, Ведана Лис, имеет полное право доступа ко всем хозяйственным книгам, счетам, описям и кладовым поместья Лисов Лог для ознакомления и изучения. Все слуги обязуются оказывать ей необходимое содействие. Лорд Альдрик Лис.»

Он с силой прижал внизу свою печать, даже не посыпав песком. Оттиск вышел смазанным, кривым. Признак спешки и нервного состояния. Идеально.

Он протянул мне пергамент. «На. Только… ради всего святого, будь осторожна. Если ты ошибаешься…» «Если я ошибаюсь, я публично извинюсь перед Хогаром и засяду за вышивание, — сказала я, аккуратно беря драгоценный документ. Чернила были еще влажными. — Но я не ошибаюсь.»

Я вышла из кабинета, чувствуя, как дрожь наконец охватывает меня. Не от страха. От адреналина. Первый раунд выигран. На бумаге. Теперь предстояло самое сложное — превратить эту бумагу в реальные действия. И сделать это нужно было до того, как Хогар придет в себя и придумает контрход.

Я почти бегом вернулась в свою комнату, где меня в тревоге ждала Агата. «Няня, — сказала я, разворачивая перед ней пергамент. — У нас есть мандат. Теперь нам нужны доказательства. Идем на кухню. Пора начинать настоящую инвентаризацию.»

Я спрятала пергамент в складках платья. Документ был мощным активом, но хрупким — до первой прямой конфронтации с Хогаром. Его нужно было использовать быстро и точечно.

«Няня, ведите меня на кухню. Не через главный холл. Тихо.»

Агата кивнула, ее лицо было сосредоточенным. Мы выскользнули в коридор и через узкую потайную дверь, скрытую под обоями, спустились по крутой витой лестнице в полутемный нижний этаж. Здесь пахло по-другому: не пылью и тленом, а землей, сырым камнем, кислым молоком и… страхом. Страхом, который исходил от серых стен.

Кухня оказалась огромным, мрачным помещением с низкими сводчатыми потолками. Очаг занимал целую стену, но огонь в нем тлел жалкий, едва освещая грубые столы, заваленные немытой посудой. Воздух был тяжелым от чада, жира и безнадеги. У одного из столов, облокотясь на него, стояла полная, когда-то сильная, а теперь безнадежно уставшая женщина в грязном фартуке — кухарка Марта. Она меланхолично помешивала что-то в огромном котле. Увидев нас, она вздрогнула, словно пойманная на месте преступления, и неуклюже попыталась сделать реверанс.

Ее баланс был прост и печален: **Усталость (60%), Страх (30%), Апатия (10%).**И ни капли удивления от нашего появления. Она уже что-то знала. Или боялась всего.

«Марта, — сказала Агата, выступая вперед. — Барышня хочет поговорить с тобой о хозяйстве.»

«Да, барышня, — прошептала Марта, опуская глаза. Ее руки, красные и опухшие, беспомощно теребили фартук.**

Я подошла к котлу, заглянула внутрь. Там бурлила та самая серая овсянка. «Это все, что есть на обед?» «На всех, барышня. По норме.»

«Покажите мне вашу кладовую, Марта. И книгу, где вы учитываете приход и расход продуктов.»

Женщина побледнела. Страх в ее балансе резко вырос до 50%. «Книга… она у экономки. У Хогарши. А кладовая заперта. Ключ у господина Хогара.»

«У меня есть приказ от лорда Лиса на доступ ко всем кладовым, — сказала я спокойно, доставая пергамент. Я не стала его разворачивать полностью — пусть она видит печать. Этого было достаточно. Лицо Марты выразило такую бурю чувств, что я почти физически ощутила ее мысленный вопль: *Бедствие! Теперь мне выбирать, кого бояться больше!*

«Я… я не могу… без господина Хогара…»

«Марта, — я сделала шаг ближе, понизив голос. — Посмотри на меня. Я не хочу тебя наказать. Я хочу понять, почему в доме, где есть поля, амбары и поголовье скота, мы едим помои. Ты знаешь. Я вижу, что знаешь.»

Ее глаза наполнились слезами. «Барышня… он… он приходит, пересчитывает, пишет в книгу свое. А мне говорит: «Готовь на столько-то ртов». А продуктов… продуктов выдают меньше. Говорит, экономьте. А если не хватает… виновата я, растратчица.» Она всхлипнула. «В прошлом месяце у меня из жалования вычли за испорченный окорок. А окорок… я его в глаза не видела! Его в книгу записали, а на склад не положили!»

Гнев, холодный и острый, поднялся во мне. Это была не просто кража. Это была изощренная система выжимания соков из всех и вся. Хогар не только воровал, но и перекладывал вину, создавая круг запуганных соучастников.

«Где экономка? Хогарша?» «Уехала к сестре. На неделю. Говорят… — Марта оглянулась и прошептала еще тише, — говорят, они с ним деньги копят. Чтобы купить свою харчевню в городе.»

Интересно. Значит, они уже на выходе. Чувствуют, что корабль тонет, и грабят его на прощание. Это объясняло наглость и спешку.

«Марта, — сказала я твердо. — Ты хочешь, чтобы с тебя взыскивали за несуществующий окорок? Или ты хочешь, чтобы в твоем котле было мясо? Настоящее?»

Она уставилась на меня, как кролик на удава. В ее балансе зашевелилась крошечная, робкая искра надежды. 5%. Этого было достаточно.

«Я… я не знаю, барышня…» «Я знаю. Покажи мне, где хранится книга учета. И ту самую кладовую. Мы откроем ее.»

Мы открыли. Вернее, открыла Агата, принеся из своей каморки огромный ржавый ключ, который, как оказалось, дублировал главный. «Хранила на черный день, — буркнула она. — Марта-то наша, а эта… Хогарша, она чужая, злая.»

Кладовая оказалась полупустой. На полках царил тот самый «беспорядок», о котором говорил Хогар. Но мой взгляд, тренированный на поиск несоответствий, сразу выхватил главное: пустые места там, где по слоям пыли должны были стоять мешки. Аккуратные, но явно недавние записи мелом на грифельной доске о «списанном» зерне. И главное — резкий диссонанс между **записанным количеством**(которое Марта, тыча дрожащим пальцем, показала мне в толстой, засаленной книге) и **реальным**. Расхождение было чудовищным. По муке — 40%. По крупам — 50%. По солонине и салу — все 70%.

«Он все продает, — тупо прошептала Марта, глядя на пустые полки. — Говорил, на ремонт амбаров. На уплату налогов…»

«Он врет, — холодно констатировала я. — Он продает и кладет разницу себе в карман. А вам приказывает делать вид, что все в порядке.»

Я взяла книгу учета. Это была «липа» от начала до конца. Грубые, круглые цифры, написанные одной рукой (Хогаром), столбцы «прихода» и «расхода», которые сходились с магической точностью, но не имели никаких подтверждающих накладных или росписей получателей. Бухгалтерия уровня «палка-палка-огуречик». Но для неграмотного или невнимательного лорда — сойдет.

«Марта, слушай внимательно, — сказала я, закрывая книгу. — С сегодняшнего дня ты начинаешь вести свою книгу учета. Тайную. Настоящую. Берешь кусок холста, уголь. Записываешь, что реально принесли со склада, что реально ушло на приготовление. Каждую горсть муки. Каждую щепотку соли. Агата будет тебе помогать и приносить тебе все, что удастся… изъять из-под носа Хогара до того, как он это спишет или продаст.»

«Он убьет меня!» — вырвалось у Марты. «Он не узнает. Если узнает — значит, ты ему сама рассказала. Или кто-то из кухонных мальчишек. Но мальчишек, я думаю, ты в ежовых рукавицах держишь?»

В ее балансе появилась первая, слабая улыбка. Мастерство кухарки — это тоже власть. «Держу, барышня.»

«Хорошо. А я, — я потрясла в воздухе пергаментом с отцовской печатью, — займусь официальными книгами. И постараюсь сделать так, чтобы у тебя на кухне появилось настоящее мясо, масло и мука. Не по «норме» Хогара. По норме, достаточной, чтобы накормить людей, которые работают в этом доме.»

Надежда в ее балансе выросла до 15%. Пока мало. Но начало.

Мы уже собирались уходить, когда в дверях кухни появилась тень. Высокая, грузная. Не Хогар. Наемник Кай. Он стоял, прислонившись к косяку, и жевал травинку. Его глаза, холодные и оценивающие, медленно скользнули по мне, по перепуганной Марте, по Агате.

«Барышня, — произнес он, и в его голосе не было ни тени почтительности, только плохо скрываемая насмешка. — Хогар просил передать. Если вам так уж не терпится считать чужие запасы, то склады с зерном и фуражом — вон в том амбаре. Только предупреждаю: место опасное. Крыша прохудилась. Могучих балок вроде меня по углам не поставили. Мало ли что… обвалится.»

Это была прямая, грубая угроза. Оглянув его «баланс», я увидела: **Профессиональный цинизм (50%), Скука (20%), Любопытство (15%), Искреннее предупреждение об опасности (15%).**Интересно. Он не лгал насчет прохудившейся крыши. Но подавал это как угрозу.

Я посмотрела на него так же прямо, без страха. «Благодарю за заботу о моей безопасности, господин Кай. Передайте Хогару, что я учту его… предостережение. И что для осмотра амбаров я, пожалуй, возьму с собой свидетелей. И хороший, длинный шест. Чтобы проверять надежность балок издалека. Наемники для этого, я слышала, тоже годятся. Если, конечно, их наняли охранять имущество, а не способствовать его… исчезновению.»

Его глаза сузились. Насмешка исчезла. Любопытство подросло до 25%. «Странная вы барышня, — сказал он наконец, отходя от косяка. — Очень странная. Шест, говорите? Подумаю.»

Он развернулся и ушел, тяжело стукая сапогами по каменным плитам. Марта выдохнула с таким звуком, будто ее только что отпустили с дыбы. «Все, пропала я теперь…»

«Ты не пропала, — перебила я ее. — Ты теперь под моей защитой. И у нас есть работа. Агата, проводите меня обратно. И… найдите мне любую бумагу. Даже самую старую. И кусочек угля.»

Вернувшись в комнату, я чувствовала странную смесь истощения и возбуждения. Первые данные собраны. Первая союзница (пусть и напуганная) на кухне приобретена. Первая угроза получена и парирована. Но самая сложная работа была впереди — анализ и систематизация.

Агата принесла мне несколько пожелтевших листов — оборота какой-то старой афиши городского праздника десятилетней давности. И кусок древесного угля из камина. Я села за туалетный столик, отодвинула треснувшее зеркало, и начала чертить. Не буквами. Знаками. Схемами. Столбцами.

ДОМ ЛИСОВ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АУДИТ.

· **АКТИВЫ (сомнительные/убыточные):**

o Земли (состояние? аренда?).

o Постройки (требуют ремонта, крыша амбара аварийная).

o Скот? (требует проверки).

o Человеческие ресурсы: Запуганы, нелояльны (кроме Агаты), низкая квалификация.

· **ПАССИВЫ (отрицательные активы):**

o Долги (сумма? кредиторы?).

o Хогар и его сеть (воровство, саботаж, потенциальная физическая угроза).

o Отец (нерешительность, алкоголизм, долги).

o Системный хаос в учете.

· **СОЮЗНИКИ (условные активы):**

o Няня Агата (высокая лояльность, низкий ресурс влияния).

o Кухарка Марта (запугана, но обладает доступом и внутренней властью на кухне; лояльность тестируется).

o ??? Наемник Кай (нейтральная/неопределенная единица. Возможен перевод в актив или пассив).

· **УЛИКИ/ИНФОРМАЦИЯ:**

o Запонка в библиотеке (вещественное доказательство причастности Хогара к «несчастному случаю»).

o Книга ложного учета на кухне.

o Пустые кладовые против записей.

o Слух о планах Хогара сбежать.

Я откинулась назад, разглядывая свою примитивную «доску». Картина была удручающей. Пассивов — вагон. Активов — тележка. И гора проблем.

За окном сгущались сумерки. В комнате стало совсем темно и холодно. Агата молча зажгла свечу и поставила ее рядом. Пламя отбросило дрожащие тени на мои угольные записи.

В это время Максим, наверное, уже сделал уроки. Или не сделал. Сидит в своей комнате, в свете настольной лампы. Слушает музыку в наушниках. Ждет, когда мама вернется с работы и спросит: «Ну как?». А мама не придет. Ни сегодня. Ни завтра.

Горло снова сжалось. Я зажмурилась. Потом открыла глаза и с силой провела черту под своими записями. Рядом вывела:

ПЛАН НА ЗАВТРА:

1. **Осмотр амбара с «шестом» и свидетелями (взять Агату, Марту? Найти еще кого-то).**

2. **Попытка доступа к «официальным» книгам Хогара через отца.**

3. **Проверить состояние конюшни и скота — реальные активы.**

4. **Написать ответ Магистру Орвину (использовать его как источник информации о законах, долгах, возможностях).**

Жить прошлым нельзя. Тоскуя, можно сломаться. Нужно двигаться вперед. Решать задачи. Сводить баланс. Ради какой-то призрачной, безумной надежды, что когда-нибудь этот баланс, этот чертов итог, позволит мне… вернуться.

Я уже собиралась смахнуть угольные записи в сторону, когда в дверь снова постучали. Три быстрых, нервных удара.

Агата, вздрогнув, открыла. На пороге стоял тот же юный слуга, что и утром. Он был бледен как смерть и протягивал на ладони сложенный вчетверо лист дорогой, кремовой бумаги, пахнущий странными, чужими духами.

«Б-барышня… от графа Даррена. Экстренный курьер только что примчался.»

Я взяла письмо. Развернула. Четкий, острый почерк. Никаких церемоний.

«Леди Ведана. По неотложным делам я буду проезжать мимо Л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.